

Кирилл Сызранцев

Исповедь Безумца

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кирилл Сызранцев
Исповедь безумца

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Сызранцев К. В.

Исповедь безумца / К. В. Сызранцев — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Древняя и могущественная сущность, некогда внушавшая страх обитателям других миров, ныне заточена в теле простого парня. Сможет ли она вернуть себе былое могущество или будет окончательно повержена старыми врагами? Сбудется ли давно забытое пророчество или будущее изначально не определено? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава первая. Человек?	5
Глава вторая. Вкус крови	6
Глава третья. Извилистый путь	9
Глава четвёртая. Ускользая от Смерти	13
Глава пятая. Возвращение зла	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Глава первая. Человек?

В одну из многочисленных ночей, коих уже и не счесть за историю человечества, дул страшный ветер, завывающий среди многоэтажных домов, ещё не небоскрёбов, но всё же величественно возвышающихся на фоне частного сектора. Одной из этих многоэтажек являлся родильный дом, старый, угрюмый и мрачный, похожий на некогда живое существо, но уже умершее, облезлое, пустое, ставшее приютом людям, кажущимся ничтожными насекомыми в теле догнивающего великана. В окно палаты время от времени стучала корявая ветка дерева, выглядевшая как чья-то раскидистая лапа, тянувшаяся к будущим матерям, а также младенцам, недавно появившимся на свет. Лампа мерцала из-за неполадок с электричеством, отчего в углах палаты играли зловещие тени, словно выжидающие удобного момента, чтобы напасть на ещё не рождённых младенцев, разорвав их матерей, и вкусить столь сладкую и желанную плоть, упиваясь болью, страданиями и страхом, находясь в экстазе от трапезы и своей кровожадности; нападать вновь и вновь...

"Но это лишь тени, ветер и дерево, всего лишь игра воображения" – так думали все, кто ожидал родов в этом ужасающем своей мрачной, угнетающей атмосферой здании. Но никакие убеждения не помогли избавиться от навязчивого страха, а тихие, едва слышимые монотонные поскрипывания деревянного пола в коридоре добавляли лишь нервный трепет, но не столько за себя, сколько за своих детей.

И вот, в одной из палат истошно завопила молодая девушка, разорвав своим криком ночную, сводящую с ума мрачную тишину; и её вопль означал лишь одно – схватки. Врач стремглав бросился в палату, попутно поднимая медицинских сестёр, которые уже глубоко погрузились в царство Морфея.

Глубокой ночью родился мальчик. Он не кричал, как большинство только что появившихся на свет детей, а, наоборот, улыбался, глядя акушеру в глаза не моргая. Его невообразимое спокойствие и холодный, пронзительный взгляд, смотрящий будто в самые потаённые уголки души и ищущий в ней что-то, невольно пугал медицинский персонал, вызывая странный комок, тревожащий их где-то в глубинах души.

Родившись с синими, словно небо, глазами и светлыми, золотистыми волосами, он полностью изменился до восхода солнца, обретя серые глаза с зеленоватым оттенком и волосы, походившие на едва заметное пламя, что освещает путь странникам, идущим в тумане.

Глава вторая. Вкус крови

Мальчик, рождённый в ту жуткую ночь, жил и рос в самой обыкновенной семье, окружённый добротой и заботой. Но, когда его называли по имени, что-то внутри постоянно шевелилось, будто пробуждаясь ото сна, эхом повторяя услышанное и проверяя на слух, но, не удовлетворившись звучанием, вновь погружалось в безмолвную спячку. И изредка это «нечто» давало советы, подсказывая, как поступить в сложных ситуациях, защищая Максима от несчастий. Мальчик был таким не по-детски амбициозным и властолюбивым, хилым на вид, капризным и злопамятным, что складывалось впечатление, будто он затаил обиду на весь мир. Старшие думали, что это пройдёт со временем; сверстники недолюбливали его, не упуская шанса обидно подшутить или даже ударить в плечо.

– С дороги, зубрила! – грубо, едва ли не крича и толкая Максима, пробежал главный забияка класса, Антон.

“Ты пожалеешь об этом” – подумал Максим, но так ничего и не ответил, решив не ввязываться в конфликт, но отомстить позже, выждав нужный момент. Он часто действовал исподтишка, делая различные пакости своим обидчикам.

– Что молчишь? Боишься? – всё не унимался обидчик.

– Отстань, не твоё дело!

– Что ты сказал, ботаник?

Терпение Максима лопнуло от обиды, и он, сжав свой маленький кулачок, набросился со всей накопленной за долгое время злостью на Антона. Неизвестно, чем бы окончилась эта драка, если бы не вмешательство учителя, так удачно проходившего мимо. Разняв их, он немедленно повёл обоих мальчишек к директору, так как это было недопустимым проступком в элитной школе, где они обучались. Уже пожилая женщина, находившаяся на почётном посту директора около семи лет, была очень строгих нравов, считая, что о любом нарушении дисциплины необходимо немедленно уведомлять родителей лично, с вызовом их в свой кабинет. Для неё было не важно, какую должность они занимают и где находятся в данный момент. И этот случай не стал исключением.

Уже придя домой вместе с родителями, Максим понимал, что наказания ему не избежать. Но результат превзошёл все его детские опасения: ему отказали в покупке велосипеда на грядущее лето, а это было для него сродни катастрофе.

– Всё из-за него! Он виноват – покарай его... мы сделаем это вместе! – тихо, едва уловимо прошептало холодное, полное ненависти, «нечто».

– Кто здесь? – спросил Максим, испугавшись неизвестного странного голоса, прозвучавшего у него в голове.

– Я тот, кто с тобой с рождения и до самой смерти. – прошептал незнакомец. – Ты же незаслуженно наказан, не так ли? Давай отомстим ему вместе, ты и я.

– Но кто ты и где?

– Я твой друг. Ты же хочешь со мной дружить? Позволь, я накажу его! Мы сделаем это вместе, как хорошие друзья. – не отчаивался голос, становящийся всё сильнее и увереннее.

– А что с ним будет? – начал сдаваться Максим.

– Он будет просить прощения за все обиды. – едва скрывая злобу, отвечал таинственный голос.

– Да, я хочу, чтобы он попросил прощения за всё! – выкрикнул мальчик, будто боясь быть неслышанным или неожиданно отвергнутым.

В его глазах всё резко помутнело, будто покрывшись пеленой, затянувшей глаза. По телу пробежал холодок, сопровождаемый слабым покалыванием. Ноги Максима невольно подко-

сились, будто став ватными, слабыми, бесполезными. Мальчик начал терять сознание. Неожиданно он выпрямился, гордо выгнув грудь “колесом”, а на его лице застыла зловещая улыбка, больше походившая на звериный оскал.

– Я вернулся! – воскликнул он хриплым, шипящим голосом, не свойственным мальчишке до этого.

Тот, кто заменил Максима в его теле, быстро направился к дому, где жил Антон. Робко постучав в дверь, чтобы не выдать своих агрессивных намерений, он ожидал момента, когда она откроется, а после этого стремглав ворваться в квартиру и совершить акт возмездия, столь сладкого и желанного. Раздались громкие, размеренные механические щелчки замка, и, вот, дверь открыта – обидчик стоит напротив, смотря в глаза и не испытывая ни малейшей крупницы страха.

– Что, ботаник, прощения просить пришёл?

– Ты один?

– Твоё какое дело, книжный червь?! – с нескрываемой злобой ответил Антон.

– Значит, один, очень хорошо. – прошептал тот, кто заменил Максима.

Резко и напористо, не тратя больше времени на разговоры, он, подобно урагану, ворвался в квартиру, столкнув с дороги Антона. Не давая ему времени на сопротивление, он одной рукой схватил его за горло и с недетской силой сжал его, смотря беспомощному мальчику прямо в глаза. Свободной рукой, совершенно не глядя, мститель закрыл дверь изнутри – он избавился от возможных свидетелей. Антон отчаянно пытался освободиться, размахивая руками и ногами, но силы покидали его с неимоверной скоростью. И вскоре он, уже практически обессилев, стал вяло перебирать ногами по паркету, но его мучения были ещё далеки от финала продуманного плана мести. Бросив свою жертву, новый владелец тела Максима направился на кухню за ножом, желая увидеть кровь обидчика. Тихими, но уверенными шагами направившись в прихожую, он насвистывал незамысловатую мелодию, спокойную, неторопливую. Антон лежал, хрипя и плача от боли и отчаяния, не смея даже позвать на помощь. Тот, кто был в теле Максима, уверенно склонился над ним, играя ножом по нежной детской коже и оставляя мелкие, но всё же кровоточащие царапины.

– Проси прощения, ничтожный червь, а после умри, захлебнувшись собственной кровью! – требовательно диктовал условия мститель.

– Прости меня, я не хотел тебя обидеть. – хрипя и поскуливая говорил Антон, не скрывая своих слёз.

Он по-детски надеялся, что останется в живых, но, увы, его ожидало последнее разочарование в жизни. Резкий удар ножа в горло пробил позвонки до тихого хруста, не оставляя возможности выжить, но каратель не желал останавливаться. Нанося удар за ударом, он вкладывал немыслимую силу в каждый из них, после чего, окончательно утолив свою безумную жажду крови, вытер лезвие ножа о штаны Антона, а затем, аккуратно спрятав его за ремень и прикрыв толстовкой, он направился прочь: скрывать улики. Недалеко от города была небольшая лесополоса с мелкими, но очень топкими болотцами, в которых когда-то тонуло немало людей и домашнего скота.

“Удачное место для сокрытия ножа и одежды, испачканной мелкими каплями крови” – думал убийца, забрасывая нож подальше от берега, начав снимать с себя футболку.

Тот вечер был ужасным потрясением для города: было совершено жестокое убийство сына хирурга. Неизвестный убийца проник в квартиру без сопротивления, ведь мальчик сам впустил его. Глубина ножевых ранений говорила о немалой силе ударов, которые мог совершить только взрослый человек. Под подозрение попала небольшая группа молодых людей, чей друг умер на операционном столе у отца мальчика. Сами молодые люди были из неблагополучных семей, поэтому мало кто усомнился в их вине, да и правоохранные органы достигли немалого мастерства в убеждении виновности подозреваемых лиц, а на деле же непричастных

к преступлению, что стало в народе темой для многих анекдотов. Но это был далеко не весёлый случай.

Утром Максим проснулся в собственной кровати, с трудом пытаясь вспомнить события прошлого вечера. В его голове роилось бесчисленное множество вопросов, путавшихся и переплетавшихся друг с другом, словно змеи в клубке. Ему очень хотелось, чтобы отрывочные воспоминания, мелькавшие перед глазами, были лишь дурным сном.

– Это было явью, друг. – прошептал голос в голове. – Зови меня Кавес.

Глава третья. Извилистый путь

Кавес по-прежнему помогал советами Максиму, нередко спасая его от несчастных случаев. Так шли годы, и Максим начал понимать, что слышать голос в своей голове вовсе не нормально. Но всё ещё детский разум и сравнительная безобидность Кавеса по отношению к хозяину не вызвали желания избавиться от него. Частые переезды из города в город, связанные со спецификой работы родителей, приучили мальчика не привязываться ни к кому из сверстников. Будучи ещё ребёнком, Максим был отравлен серостью взрослой жизни.

Наконец, настал его тринадцатый день рождения, но, вместо радости и счастья, утро наполнилось страхом и печалью. Ужасный, душераздирающий вопль, эхом раздавшийся внутри головы и, как казалось мальчику, разломивший её изнутри, разбудил Максима. Холодная испарина покрыла его тело, содрогающееся мелкой дрожью. Детские глаза наполнились страхом и слезами.

– Не страшись. Это не к тебе. – тихо, будто тоже боясь, пытался успокоить Кавес.

– Что это было?

– Смерть забрала кого-то поблизости. Ты научился чувствовать её появление.

– Это можно заранее ощущать?

– А зачем? Хочешь избежать её? Даже с моей помощью это сложно. Тебе надо учиться.

– Учиться?

– Дай мне немного свободы, и я покажу тебе пару фокусов.

– Нет, ты злой!

– Разве? А что есть зло?

– Плохие дела, советы, желания. – уверенно ответил Максим.

– Ошибаешься. Нет зла и добра. Есть лишь сделанный выбор и его последствия. А вся ваша мораль относительна и индивидуальна.

– Но ведь есть добро! – наивно воспротивился Максим.

– Приводи примеры, а я их опровергну.

– Нужно уступать место старшим. Это хорошо, правильно.

– Ха, а ты смешной. Уступать лишь потому, что старше? По возрастному признаку? Это не логично! Вот если он трудился раньше, принёс пользу обществу, то проявление уважения ещё допустимо. А откуда ты знаешь наверняка, что перед тобой трудящийся в прошлом человек? Да и вообще, ваш мир слишком мягкий, не то, что раньше. Разве он дожил бы до этого возраста лет эдак пятьсот назад? Значит, он в большей степени был бы мёртв, чем жив, а вот ты наоборот. Тогда он в большей степени мертвец, иллюзия, чем ты. И тогда зачем уступать вообще?

– Но также неправильно!

– Для кого? Для тебя? С детства вбитые шаблоны поведения, не более.

– Ну, убийство же зло однозначное!

– Да ладно?! А убийство во имя веры? К Святым, тьфу, причисляют! А во имя Родины? Героем называют! Хотя тоже убийство, по сути, что и любого другого человека. И где ваша мораль?

– Самоубийство! – отчаянно пытался спорить Максим, понимая, что Кавес найдёт, что сказать и в этот раз.

– Ритуальное самоубийство самураев смывает позор, значит, это хорошо, с точки зрения их морали. Да и солдат, подорвавший себя и врагов гранатой, считается героем. А если воевали ещё и против иноверцев? Тогда ещё и святым назовут его! И где ваша мораль? Нет понятий «хорошо» или «плохо», поэтому, соответственно, понятия добра и зла пропадают.

Этот спор, может, и продолжился бы, но с кухни раздался оклик матери, зовущей Максима. Сквозь её улыбку и поздравления чувствовались скорбь и тревога. За окном стояла машина реанимации, а санитары уже не спеша несли тело на носилках. Как позже будет написано в некрологе: «...от инфаркта миокарда скончался многоуважаемый заместитель главы администрации города». День был полон поздравлений со стороны семьи, даже позвонили некоторые одноклассники. Но гнетущее состояние не покидало Максима. Утренний крик и последующий диалог с Кавесом не давали покоя. Желание научиться чувствовать Смерть и бороться с ней было велико, но останавливал страх перед Кавесом, который не раз проявлял жестокость в своих мыслях.

– Ну же, даруй мне немного свободы; обещаю, ты не пожалеешь. Лишь пара безобидных фокусов, не более того. – всё не унимался Кавес, взывая к Максиму.

– Ладно, делай, что нужно, но только не вреди никому. – сдался Максим.

Восприятие изменилось, став более ярким, острым, наполненным жизнью, лишённым серости и уныния. Было ощущение, будто весь мир задрожал, как водная гладь от удара. Тело Максима стало необычайно лёгким, взмыв в воздухе, а его волосы слабо заискрились. Сам же мальчик испытал дикий, неподдельный страх, переходящий в ужас. “Я никогда не вернусь назад?” – пронеслось у него в мыслях.

– Шеер геол! Рааф маор! – властным голосом произнёс Кавес, смотря на пролетающую мимо окна птицу.

В тот же миг её тело мешком повлекло вниз, а следом его разорвало. Мелкие кровавые кусочки плоти, покрытые перьями, разлетелись в разные стороны, испачкав несколько окон. Взгляд Кавеса направился на старое, почти высушенное дерево, стоящее во дворе.

– Шеер геол! Даор кэнар! – с той же властью в голосе произнёс он, и дерево вспыхнуло, словно спичка.

Мир снова задрожал, после чего все краски снова стали тусклыми, как раньше. Теперь Максим с ужасом осознавал себя и Кавеса вместе, как единый организм со сложным, двойным сознанием. В этот раз тьма и холод не поглотили его, поэтому он видел и слышал всё, что происходило вокруг. И страх, смешанный с любознательностью, вылился в мысленный вопрос: “Как?”.

– Это магия, самая естественная, но давно забытая людьми.

– Н-но...

– Так я же не человек. Да и ты сможешь так, если учиться будешь. Но на это уйдут годы, и без меня всё равно не сможешь.

– За что? За что убил голубя?

– А тебе его жалко?

– Но он не виновен ни в чём!

– А кто виновен? Ты можешь предвидеть всё будущее?

– Нет.

– А что, если бы он был болен? И его съел бы твой кот, который умер бы потом? Ты бы хотел тогда смерти этого голубя?

– Да, наверное.

– А что, если из-за него умерли бы люди, как в телевизоре сказали вчера?

Тогда хорошо, что ты убил его.

– Не я, а мы. А что касается хорошо... Хм, среди тех людей, кто умер бы, должен был быть жестокий убийца. А теперь он жив. Это, по-твоему, хорошо?

– Нет, конечно же нет!

– Но теперь он жив и убьёт того, кто стал бы террористом. Тогда это как?

– Наверное, хорошо. – неуверенно ответил Максим. – Я запутался!

– Вот именно! Нет ничего хорошего и плохого! Есть лишь сделанный выбор и его всевозможные последствия, и не важно, способен ты предвидеть их или нет! Прими моё учение, мою истину, и осознай мир. Прими меня, как себя, и прочувствуй боль всего мира. Вместе мы станем воистину сильны!

–Нет! Ты плохой. Я хочу научиться магии, но не хочу быть плохим!

– Научу. А потом ты сам сделаешь свой выбор...

... Прошло полтора года с того диалога. Максим уже неплохо составлял заклинания, но всё ещё на доступном ему языке. Частая работа с Кавесом сделала их хорошими друзьями, отчего в последнее время они ссорились всё реже и реже. И вот, сменив за эти полтора года ещё два города, родители мальчика оповестили его о том, что переездов больше не будет. К тому времени у Максима появилось несколько товарищей, но его нежелание привязываться к кому-либо, а также частые тренировки с Кавесом, не оставляли времени на дружеское общение. А последние три месяца его совершенно не отпускали гулять позже шести вечера. Это было связано с тем, что в городе орудовала группа мужчин, похищавших детей.

Однажды слегка задержавшись на заброшенном стадионе, таком же унылом, как и многие сооружения в этом городе, Максим возвращался домой. Вдруг он услышал тихий звук мотора. Мелкая испарина выступила на спине, скованной холодом страха.

– Привет, пацан! Давай подвезём?! – крикнули двое мужчин лет сорока.

– Нет, спасибо, мне недалеко. – постарался отказаться Максим.

Вдруг машина резко остановилась, послышались громкие хлопки дверей и быстрые шаги. Максим резко развернулся – сильный удар в челюсть заставил потерять землю под ногами.

– Я же сказал, что подвезём! – с ухмылкой в голосе сказал один из обидчиков.

– Зря вы так, ой зря! – сказал Максим, вставая с земли. Он уже пробуждал в себе всю свою злобу, даруя свободу Кавесу, чтобы сокрушить обидчиков. – Кровь закипит, боль причинив, страдания души в теле воплотив, кровью платить вас я заставлю, Демонов крови к вам я приставлю! Шеер геол! Аар кеан!

Ужасная, всеобъемлющая боль поглотила мужчин, склонив их к земле. Все органы, каждая клеточка тела молили о пощаде, изнывая от агонизирующих страданий. Кровь хлынула из ушей и глаз, наполнила рот, и даже пот стал кровавым. Всё тело трещало, будто одежда, по швам. Кости издавали громкий хруст, ломаясь, словно хрусталь. Кожа сползала с беспомощных жертв, секунды назад бывшими обидчиками. Они истошно кричали, вызывая о помощи, но Максим-Кавес был неумолим. Его лицо озарила хищная улыбка, ужасающая своей жестокостью.

– Помочь? Вам? А скольким вы помогли? Вы, убийцы, и получаете по заслугам! И да воздастся каждому за деяния его! А ваши души теперь навеки мои! Шеер геол! Кинат наор аафар!

Тела мужчин рухнули безвольными облезлыми куклами. Их внешность стала отвратительной, будто они умерли очень давно. Всеобъемлющая ненависть постепенно отступала.

– Я смог это сделать? – без страха и сожаления спросил Максим.

– Мы вместе.

– А что значат слова эти?

– Шеер геол – обязательная часть для многих заклинаний, означает объявление воли. А остальное лишь краткая концентрация воли.

– Спасибо, за всё. Только почему я не испытываю страха и угрызений совести?

– Ты считаешь, что поступил правильно. Да и привык уже. Ведь мои уроки нуждались в жертвах. Ты убил многих через порчи.

– Я повинен во многих смертях, знаю.

– Не вини себя. Ты жалеешь о чём-то?

- Не знаю... наверное, нет.
- Вот и не жалея! Что бы с тобой было, если бы не я?
- Смерть, если не хуже.
- Я в очередной раз спас тебя. Доверься мне и даруй больше свободы.
- Посмотрим.

Вернувшись домой с небольшим опозданием, Максим тотчас же сел ужинать. Никаких угрызений совести он не испытывал, скорее даже наоборот, был рад и горд. Теперь он осознал всю мощь, которой обладал, а юношеский максимализм подталкивал его на "великие деяния" в образе героя города, его санитаря и чистильщика.

Глава четвёртая. Ускользя от Смерти

Осознав свою силу и мощь, Максим жаждал действий от «местных бандитов», чтобы стать городским героем. Каждую ночь он сбегал из дома, блуждая по городу в поисках негативных элементов общества. Каждая встреча была последней для них, заканчиваясь ужасающей болью и, как считал Максим, их раскаянием. Город стал чище, а правоохранительные органы, в своём стремлении поймать местного карателя, стали чаще патрулировать улицы. Гуляя по заброшенным зданиям, Максим искал душевного спокойствия, всё больше отстраняясь ото всех. Так, в одну из таких прогулок, он услышал крики о помощи.

– Заткнись, тебя всё равно не услышат! – злобно отвечал грубый мужской голос. – Не ты первая, не ты и последняя!

Максим, стараясь подойти как можно тише, увидел, как большой грузный мужчина душил девочку лет четырнадцати, не более. Её одежда была изорвана, а на руках и ногах были синяки и ссадины. Злость начала затуманивать рассудок, пробуждая Кавеса.

– Руки прочь от неё! – громко, переходя на рык, закричал Максим-Кавес. – Шеер геол! Мазеб лароф!

Мужчина резко обернулся, но в тот же миг его отбросило неведомой силой на несколько метров. Не понимая происходящего, он попытался подняться на ноги, но его тотчас же что-то прижало с такой мощью к бетонному полу, будто на его спину обрушилась плита.

– Шеер геол! Марахт наир! – прошипел уже Кавес, и ярко-алые молнии слетели с его рук, устремившись к мужчине.

Тело насильника забилося в конвульсиях, содрогающееся магической молнией. Кожа начала потрескивать и дымиться, испуская омерзительный тошнотворный запах. Спустя несколько секунд от него осталась лишь обугленная бесформенная субстанция, даже отдалённо не напоминавшая человека. Злость постепенно отступала, возвращая Максима. Полностью восстановив контроль над своим телом, он направился к девочке, невольно ставшей свидетелем столь жестокой казни. Она рыдала, боясь, что её убьют вслед за своим недавним обидчиком. Тихо, едва касаясь, Максим убрал грязные, испачканные кровью, волосы с её лица. Он хотел успокоить девочку, разогнав её страх, совершенно не желая ей вредить.

– Шеер геол! Азар неафар. – прошептал он, будто услышав это из глубины своего бытия. И мягкий голубоватый свет тонким лучиком направился в сторону девочки, обволакивая её как паутина. Она уснула, воспарив над землёй.

Пробудившись спустя несколько часов, она была абсолютно спокойна, будто случившееся с ней было лишь страшным сном. Но глухая боль и ссадины говорили об обратном. Над ней стоял Максим, в глазах которого читались сочувствие и сострадание, желание помочь и защитить.

– Не бойся, я не собираюсь причинить тебе вред. Кто ты?

– К-Ксения. – заикаясь, ответила девочка.

– Пошли, я провожу тебя до дома. Только у меня убедительная просьба: никому не говори, что здесь произошло. Тебе всё равно не поверят.

... Прошёл месяц с того самого дня. Максим и Ксения начали дружить, но она немного боялась его, зная, на что он способен. Кавес был не против их общения, но желал, чтобы она тоже обучалась магии. Также с ними часто гулял Стас, родной брат Ксюши, ставший другом Максима. Они нередко приходили на небольшое поле, бродя среди заброшенных, покрытых ржавчиной корпусов автомобилей. В этих железных лабиринтах Максим демонстрировал свои магические способности, удерживая предметы в воздухе, кидая их и поджигая.

Незаметно прошло чуть больше двух лет. Максим и Ксения перестали быть просто друзьями. Между ними вспыхнула любовь. Детская, наивная, но самая чистая, лишённая грязи взрослой жизни. Теперь Ксения и Стас тоже владели магией, составляя простые заговоры. Магия в чистом виде была им недоступна, но они грезили когда-нибудь научиться и ей. Преступность в городе была минимальной, возводились торговые центры и фабрики. Смена мэра и всей администрации благосклонно сказалась на городе и его жителях. Максиму исполнилось семнадцать лет, и он начал задумываться, куда ему поступать учиться после школы. Ему очень не хотелось покидать город, в котором появилась его первая любовь.

Однако что-то поменялось в отношениях Максима и Ксении, сделав их холодными. Общение становилось всё более сухим, встречи стали менее радостными. И вот, однажды Ксения призналась, что уже как месяц встречается с другим. Горечь и обида нахлынули на Максима, пробуждая в нём Кавеса. Не зная, что сказать, да и не желая этого, он молча ушёл. Эмоции, бурей захватившие его, требовали выхода, и он направился в лабиринты машин, раскидывая их своими заклятиями. К концу дня злость отступила, оставив лишь горькое осознание некоего предательства. Кавес взывал к мести, жаждая крови и страданий. Ведь Он даровал знания, а от Него отвернулись! Едва уgomонив Кавеса, Максим направился к заброшенному много лет назад, недостроенному дому. Забравшись на крышу, он закурил. Эта вредная привычка у него появилась полгода назад, когда он, желая попробовать что-то новое, впервые закурил папиросу. Глядя на ночной город, его мелькающие огни, он всё больше погружался в своё отчаяние. Желание жить покинуло его вместе с Ксюшей, а жестокость своего внутреннего обитателя начинала пугать. Он понимал, что теряет контроль над телом. Подойдя к краю крыши, он снова закурил. Тихо, словно боясь быть услышанным, он произнёс стих, сочинённый в порыве холодного отчаяния:

"Отравлены кровь

И брeнная плоть...

К прыжку я готов,

Разорвав криком ночь...

Лишь Ветер-Бродяга,

Такой же, как я,

Песнь поёт сладко,

Что жестока Судьба...

Я курю не спеша,

Одну за одной,

Пепел летит от меня,

Смешавшись с моею Душой...

Воздух тяжёлый,

Словно свинец,

Шаг делаю новый,

И это конец".

Выбросив окурок, Максим сам прыгнул вслед за ним. Кавес пытался взять тело под свой контроль, чтобы произнести заклинание и предотвратить падение. Но Максим изо всех сил боролся с ним. Доли секунды растянулись в немыслимую бесконечность, которая позволила понять в полной мере глупость своего поступка. Вдруг что-то холодное оплело его тело, лишив всех сил. Даже Кавес в ужасе оцепенел, спрятавшись в глубины своего бытия. Тёмная тень промелькнула перед глазами, сверкнув ужасной маской безумной улыбки.

"Это была Смерть" – пронеслось в голове Максима, но он не понял, была ли эта мысль его или Кавеса. Сущность застыла в ожидании неизбежного, предвкушая гибель Максима-Кавеса. Но её планы нарушил крик.

– Шеер геол! Мазеб кеарар! – донеслось снизу, в паре метров от падающего Максима.

Его тело зависло, словно в воде, и начало медленно опускаться. Объятия Смерти отпустили его, и он увидел стоявшую перед ним девушку с яркими огненно-рыжими волосами и чёрными, как смоль, глазами. От страха перед Смертью и удивления от внезапного спасения Максим не знал, что и ответить.

– Ты с ума сошёл?! – начала кричать девушка. – Ты мог умереть! Смерть явилась за тобой!

– Но... – начал было оправдываться Максим.

– Идиот! На тебя возлагаются огромные надежды! Судьба, как минимум, трёх миров зависит от тебя и твоего дальнейшего выбора!

– Меня бросила девушка! – что было сил закричал Максим.

– И что? Это, по-твоему, повод сдохнуть? Дам тебе совет, как жить дальше! Нет эмоций – только холод, сухость, чёрствость. Все взаимодействия лишь биохимия и психология: нет ничего возвышенного. Необходимо действовать обдуманно, просчитав все варианты развития событий. Стремись к машинной логике, воплощению истинного разума. Не показывай свои эмоции, слабости, иначе их обернут против тебя. Будь силён морально и используй людей, манипулируй ими... То, что произошло – это был урок тебе о том, что не стоит полностью доверяться людям. А теперь пришло время тебе надеть маску холодного безразличия, чёрствого разума, сокрыв в себе все эмоции и мысли... Так лучше, легче... нет иллюзий, дарующих лишь боль... нет ничего, что способно повредить... и лишь холодная тьма, дышащая ядом, пусть обвивает твоё сердце, отравляя душу, словно змея!

– Но кто ты?

– Вряд ли увидимся ещё. Последние три сотни лет меня зовут Анна, а настоящее имя тебе знать не нужно. Я спасла тебя сейчас, но, если хочешь, иди и прыгай снова! Мешать не буду! – грубо и нагло кричала девушка.

– Спасибо, что спасла. – виновато поблагодарил Максим.

– Наконец-то, благодарность. Прощай.

Тихое потрескивание раздалось позади девушки. Образовалась дыра в пространстве, зияющая своей чернотой, схожей с той, что была в глазах Анны. Сделав шаг назад, она растворилась в той дыре, закрывшейся резким глухим хлопком. Кавес медленно, словно ещё боясь Смерти, выползал из той тьмы, в которой прятался. Он был очень удивлён, а вопросов у него было, наверное, не меньше, чем у Максима...

Глава пятая. Возвращение зла

Последующие три года жизни Максима прошли в усердных тренировках как физических, так и магических. Вместе с Кавесом они искали ту, которая назвала себя Анной. Ведь в ней не было альтер эго. По крайней мере, оно не ощущалось Кавесом. Максим замкнулся в себе, начав путешествовать по всему миру. В каждом городе, где он останавливался, Максим-Кавес устраивал магическое шоу, зарабатывая этим деньги на своё существование. Кавес взывал к жестокости, кровавым рекам, что затопят города, но Максим боролся с ним, стараясь не терять контроль. Их целью были старые точки концентрации энергии, в которых они тщательно искали остатки той древней силы, что зовётся магией. Поглотив их, по мнению Кавеса, они стали бы столь сильны, что смогли бы обнаружить кого угодно в любой точке мироздания. Но все эти места концентрации были совершенно истощены, будто их опередили на сотни лет. Наконец, снова вернувшись в Россию, он приехал в родной город. Устав после долгой дороги и решив опустошить несколько кружек пива, Максим направился в небольшой бар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.